

Соборник. М., 1647.

Толковое Евангелие. М., 1649.

Шаишов А. Т. Авраамий // Православная энциклопедия. Т. 1: А [Алексий Студит]. М., 2000. С. 168—169.

Шаишов А. Т. Из истории библиотеки старца Авраамия Венгерского (конец XVII — начало XVIII в.) // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 469—478.

Шаишов А. Т. К изучению сибирских старообрядческих сочинений XVII в. // Сибирь на перекрестке мировых религий: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2002б. С. 131—135.

Шаишов А. Т. Образ Богородицы в религиозно-нравственных представлениях сибиряков XVII в. // Вести. Музея «Невьянская икона». Вып. 1. Екатеринбург, 2002а. С. 185—205.

Шаишов А. Т. Послание сибирской «братии» протопопа Аввакума и его адресаты // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 85—97.

Шаишов А. Т. Старообрядческие самосожжения на Урале и в Сибири в XVII — начале XVIII в. // Сургут, Сибирь, Россия: Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 400-летию города Сургута: Докл. и сообщ. Екатеринбург, 1995. С. 135—167.

Д. О. Серов

ВЫСШИЕ АДМИНИСТРАТОРЫ ПОД СУДОМ ПЕТРА I

Из истории уголовной юстиции России первой четверти XVIII в.

Одно из важнейших направлений познания отечественного прошлого несомненно составляют изыскания по истории государственной власти. История российской власти (как, впрочем, и любой иной) соткана из множества нитей — как из судебных органов и учреждений, образующих ее структуру, так и из судебных людей, эти органы и учреждения наполняющих. В свою очередь, история власти в человеческом измерении также многогранна. И одна из таких граней — это история отношения представителей власти к закону.

Особый интерес в этой связи представляет вопрос о мере законопослушания высших администраторов — руководящих должностных лиц, от которых во многом зависит эффективность работы органов управления и суда и которые задают образец поведения для нижестоящих служащих. Что же известно на сегодня об уголовно-правовом аспекте деятельности высшей бюрократии России в переломную эпоху Петровских реформ?

Прежде всего стоит отметить, что на протяжении многих десятилетий ученых в первую очередь привлекала тема о происходивших в первой четверти XVIII в. так называемых «политических процессах» над выходцами из правящей элиты (крупнейшим из которых явился, конечно же, процесс царевича Алексея Петровича). Другими словами, до поры до времени приоритетное внимание уделялось истории уголовного преследования должностных лиц, совершивших, по современной классификации, преступления против безопасности государства. Не углубляясь в историографические дебри, необходимо упомянуть здесь никоим об-

разом не утративший ценности труд Н. Б. Голиковой [1957], статью Дж. Крэкрафта [Cracraft, 1988], а также увенчавшее почти полутравековое изучение дела царевича Алексея диссертационное исследование С. В. Ефимова [1997]. Между тем чуть более внимательный взгляд на Петровскую эпоху создает впечатление, что тогдашние сенаторы и губернаторы куда более увлекались казнокрадством и лихоимством, нежели оппозиционным вольномыслием.

Нельзя сказать, чтобы сюжеты об экономических, служебных и воинских преступлениях «птенцов гнезда Петрова» вовсе остались вне поля зрения ученых авторов. К настоящему времени оказались — хотя и с неодинаковой полнотой — освещены судебные процессы над К. И. Крюйсом [см.: Соколов, 1849], П. П. Шафировым и Г. Г. Скорняковым-Писаревым [см., например: Соловьев, 1993, 450—453; Павленко, 1994, 508—510; Серов, 1996, 43—46], следствие и суд над сановными участниками «подрядной аферы» [см.: Павленко, 1984, 97—98; Bushkovitch, 2001, 322—334], над М. П. Гагариным [см.: Акишин, 1996, 191—201], А. А. Курбатовым [см.: Серов, 1997, 37—43], С. А. Колычевым [Воронежские губернаторы..., 2000, 37—38; Серов, 2002а, 50—53], А. Я. Нестеровым [Петровский, 1875, 142—143; Серов, 2002б, 119—125]. Будучи собраны заведомо бессистемно, преимущественно в ходе разработки иных тем, сведения об уголовном преследовании упомянутых лиц являют на сегодня, аллегорически выражаясь, лишь разрозненные фрагменты мозаики.

В предшествующей литературе не затрагивались вопросы о количестве петровских сподвижников, попавших под следствие и суд за совершение экономических, воинских и служебных преступлений (в необходимом сопоставлении с общей численностью госслужащих высшего звена), а также о том, сколько высокопоставленных фигурантов подобных дел понесло реальное наказание. Оказалась совершенно неисследованной и организационная сторона уголовного преследования тогдашних «господ вышних командиров» за преступления отмеченного характера. Эти-то пробелы и обусловили появление настоящей статьи. В статье принята попытка целостно представить как степень вовлеченности представителей высшей бюрократии России первой четверти XVIII в. в преступную деятельность в сфере экономики и интересов государственной службы, так и особенности противодействия данным криминальным тенденциям со стороны «регулярного государства» Петра I.

Источниковую базу работы образовали преимущественно материалы осуществлявшихся в 1710-х — первой половине 1720-х гг. предварительных расследований и судебных рассмотрений эпизодов упомянутой преступной деятельности высших администраторов. Как известно, комплекс таких материалов изрядно пострадал в кремлевском пожаре 29 мая 1737 г., когда в помещениях московской конторы Сената сгорела основная часть архивов «майорских» следственных канцелярий и Вышнего суда [Гоздаво-Голомбиевский, 1888, 23]. Но, несмотря на утраты 1737 г., значительный массив искомой документации благополучно сохранился в собрании Российского государственного архива древних актов (РГАДА), прежде всего — в фонде 248 «Сенат» [Бабич, 1999а, 62—63; Бабич, 2000, 22—23].

В частности, в составе названного фонда отложились документы следствия и суда над М. В. Желябужским, В. С. Ершовым, А. Я. Нестеровым, судное дело П. П. Шафирова и Г. Г. Скорнякова-Писарева. Немало интересного уцелело и в других фондах РГАДА. Например, в фонде 9 «Кабинет Петра I» между иного сохранились адресованные верховной власти донесения руководителей следственных и судебных органов, в том числе посвященные разбирательству дел высших администраторов. А в фонде 11 «Переписка разных лиц» автору статьи довелось ознакомиться с весьма содержательной выпиской по ведшемуся в 1717—1718 гг. уголовному делу Я. Ф. Долгорукова. Выписка была составлена после смерти Петра I (судя по всему, в начале 1730-х гг.) на основе документов, погибших впоследствии в уже упомянутом кремлевском пожаре.

Кроме того, едва не уникальные источники по теме удалось выявить в фонде 1329 «Именные указы Сенату» Российского государственного исторического архива (РГИА). Там автор натолкнулся и на давно выпавшие из научного оборота судное дело М. П. Гагарина (некогда длительно отыскивавшееся М. О. Акишиным в РГАДА), и на ценнейшие фрагменты делопроизводства «майорских» канцелярий и Вышнего суда.

При этом если одни материалы судебно-следственных дел отложились компактно, то другие оказались рассредоточены по разным фондам и даже архивам. Скажем, вся обширная документация о следствии и суде над А. Я. Нестеровым образовала одну единицу хранения. А вот материалы предварительного расследования по делу А. А. Курбатова попали в итоге в четыре фонда РГАДА и в упомянутый фонд 1329 РГИА.

Что же касается публикаций источников по рассматриваемой теме, то к настоящему времени в полном объеме изданы (и то в форме детального пересказа) лишь материалы судного дела П. П. Шафирова и Г. Г. Скорнякова-Писарева [см.: Иванов, 1859]. Наряду с этим в последней трети XIX — начале XXI в. вышли в свет небольшие подборки документов о следствии и судах по делам М. П. Гагарина, А. А. Курбатова и А. Я. Нестерова [см., например: Письма, указы..., 1873, 407, 420—423; Серов, 1996, 193—203; «Розыскать накрепко...», 2000, 204—205; Серов, 2002б, 298—305]. Остается добавить, что наибольший интерес у публикаторов вызвал судебный процесс над первым сибирским губернатором. В результате и хранящийся ныне в фонде 1451 РГАДА указ Петра I о предании Матвея Гагарина суду, и негаданно обретшийся в фонде 1329 РГИА приговор, вынесенный Матвеем Петровичу, издавались по меньшей мере дважды [см.: Письма, указы..., 1873, 420, 422—423; Реформы Петра I, 1937, 234—236; Законодательные акты Петра I, 1945, 241].

Теперь стоит определиться с терминологией. Под «высшими администраторами» в настоящей статье подразумеваются следующие должностные лица: члены высших органов государственной власти, руководители центральных органов отраслевого управления и суда, органов контроля и надзора, руководители территориальных органов общего управления. Применительно к первой четверти XVIII в. такими лицами являлись сенаторы, президенты и вице-президенты коллегий (а также главы иных ведомственно самостоятельных центральных органов); генерал- и

обер-прокуроры Сената, генерал- и обер-фискалы; генерал-губернаторы, губернаторы и вице-губернаторы.

Однако, прежде чем переходить к рассмотрению вопроса об уголовном преследовании лиц из рядов высшей администрации, необходимо установить их общую численность. Между тем ни одна из упомянутых должностных групп не удостоилась до сих пор специального внимания исследователей. Имеются лишь систематизированные данные (хотя и не вполне точные) единственно о сенаторах Петра I [см., например: Мурзанов, 1911; Филиппов, 1911, 118—129; Анисимов, 1997, 30, 243—245].

А вот руководящие кадры центральных органов управления и суда оказались затронуты в историографии куда более фрагментарно (позитивным исключением здесь стала работа И. В. Курукина, относительно подробно и почти безошибочно проследившего назначения первых лиц названных органов начиная с 1722 г. [см.: Курукин, 2003, 511—519]). Сведения же о губернаторском корпусе первой четверти XVIII в. отличаются разрозненностью, будучи исчерпывающе собраны только по отдельным территориям [см.: Корсакова, 1908, 14; Воронежские губернаторы, 2000, 27—44; Власть в Сибири..., 2002, 201—207]¹. Исходя из этого, в последующих своих выкладках о персональном составе петровской высшей бюрократии автор использует в основном результаты эпизодически производившихся в 1991—2000 гг. собственных поисков, более широкое введение которых в научный оборот состоится, как можно надеяться, в обозримом будущем [см.: Серов, 2005б].

И еще одна оговорка. При дальнейших подсчетах не будут учитываться те лица, которые в описываемый период находились на соответствующих постах де-юре или де-факто менее года. Известно, к примеру, что назначенный сибирским губернатором 15 января 1724 г. М. В. Долгоруков настолько не торопился ехать к месту службы, что появился в Тобольске лишь в декабре этого года, незадолго до кончины Петра I [Власть в Сибири..., 2002, 206].

Итак, начнем с наиболее историографически «просвещенного» Сената. За период с февраля 1711 по январь 1725 г. в рядах сенаторов перебивало 23 ч е л о в е к а (исключая по причине кратковременности нахождения в должности А. И. Репнина и Г. Д. Юсупова²). Принимая во внимание едва ли не образцовую сохранность

¹ Приведенный в монографии И. В. Курукина список губернских администраторов Петра I (с 1719 г.) неполон и частично не соответствует действительности [подробнее см.: Курукин, 2003, 522—537].

² Как ни удивительно, признанный знаток ранней истории Сената А. Н. Филиппов вообще не назвал А. И. Репнина и Г. Д. Юсупова среди петровских сенаторов. Н. А. Мурзанов отметил, что Григорий Юсупов был определен сенатором 8 февраля 1726 г. [Мурзанов, 1911, 161]. В реальности, как явствует из сенатских протоколов, Григорий Дмитриевич впервые попал в Сенат по именному указу от 8 декабря 1724 г. [РГАДА, ф. 248, кн. 1935, л. 228]. Согласно той же Книге протоколов, назначение сенатором Аникиты Репнина состоялось 12 августа 1724 г. [Там же, л. 110] (а вовсе не 20 января 1724 г., как указали Н. А. Мурзанов и Е. В. Анисимов [Мурзанов, 1911, 146; Анисимов, 1997, 245]). Остается добавить, что Н. А. Мурзанов также ошибочно включил в число сенаторов Петра I А. Г. Головкина [Мурзанов, 1911, 122].

указного и протокольного делопроизводства Сената за первую четверть XVIII в., приведенная цифра устанавливается с высокой степенью достоверности.

Значительно сложнее обстоит дело с выяснением численности руководителей органов центрального управления и суда. И первая трудность заключается в том, что применительно к 1700—1710-м гг. определить ведомственную самостоятельность того или иного органа власти порой совсем нелегко. Тогдашняя система отраслевого управления являла собой, образно выражаясь, хаотически перестроенное здание, в котором полуосыпавшиеся конструкции старинных приказов соседствовали с поспешно возведенными сегментами «новоманерных» канцелярий и комиссариатов. Несмотря на усилия предшественников, в первую очередь В. И. Огородникова [1917] и Е. В. Анисимова [1997, 90—98], история российского центрального управления в первые два десятилетия XVIII в. так и осталась малопроясненной.

Как бы то ни было, опираясь преимущественно на материалы все того же сенатского делопроизводства — опубликованные и архивные, — можно заключить, что численность руководителей центральных органов отраслевого управления и суда составила за 1708 — январь 1725 г. 44 человека (не считая умершего в шведском плену начальника приказа артиллерии царевича Александра Арчиловича, а также А. И. Репнина и Ф. С. Манукова³). Данная цифра если и может корректироваться, то незначительно — в сторону увеличения.

Яснее кадровая ситуация с органами контроля и надзора: Ближней канцелярии, ее преемницей Ревизион-коллегией, фискальской службой и прокуратурой. На протяжении обозначенного периода эти органы возглавляли 8 человек (не учитывая совсем недолго пробывшего в обер-фискалах Я. В. Былинского).

Теперь что касается руководителей губернских администраций. С 1708 по январь 1725 г. на должностях генерал-губернаторов, губернаторов и вице-губернаторов⁴ работали 32 человека (исключая А. Г. Долгорукова, упоминавшегося

³ А. И. Репнин «выпал» из приведенных подсчетов вследствие непродолжительности пребывания в центральной администрации при жизни Петра I. Президентом Военной коллегии Аникита Иванович был определен 19 мая 1724 г. [РГАДА, ф. 248, кн. 1935, л. 81 об.] (а не в январе 1724 г., как отметили Е. В. Анисимов и И. В. Курукин [Анисимов, 1997, 245; Курукин, 2003, 511]). Что касается Ф. С. Манукова, то он с июня 1722 по ноябрь 1723 г. исполнял обязанности президента Вотчинной коллегии, но так и не был утвержден в этой должности [РГАДА, ф. 286, д. 1, л. 122]. Вице-президентом же названной коллегии Федосей Семенович стал, вопреки сведениям И. В. Курукина, не в 1723 г., а лишь 5 ноября 1725 г. [см.: Там же, ф. 154, д. 2, л. 3; Курукин, 2003, 517].

⁴ Совершенно обойденный в историографии вице-губернатор петровского времени был, как представляется, вполне самостоятельной бюрократической фигурой. Азовский, ревельский, рижский и Санкт-Петербургский вице-губернаторы состояли при генерал-губернаторах, большинство из которых исполняли должность в значительной мере номинально. Архангелогородский, нижегородский и смоленский вице-губернаторы являлись в первой четверти XVIII в. и вовсе единоличными главами соответствующих региональных администраций. В столь привычной для позднейших времен роли второго лица в губернской иерархии в 1710-е — первой половине 1720-х гг. выступали разве что московский вице-губернатор В. С. Ершов (при М. Г. Ромодановском, А. П. Салтыкове и К. А. Нарышкине), казанский — Н. А. Кудрявцев (при П. С. Салтыкове) да сибирский — А. К. Петров-Соловово (при А. М. Черкасском).

выше М. В. Долгорукова, А. П. Измайлова, В. А. Ржевского и М. Г. Ромодановского). Таковы в количественном отношении контуры высшей бюрократии России первой четверти XVIII в.

Совершенно очевидно, однако, что чисто механическое суммирование приведенных цифр даст искаженную картину численности состава правительственной среды Петровской эпохи. Ведь указанные должности, случалось, занимали одни и те же лица. Причем в рамках индивидуальной карьеры пребывание в различных должностных группах могло происходить как последовательно, так и параллельно.

Так, хрестоматийно известно, что в 1718—1722 гг., согласно п. 1 Должностей Сената в редакции 1718 г., должности президента коллегии и сенатора совпадали. Впрочем, и после 1722 г. свыше половины сенаторов (Ф. М. Апраксин, Я. В. Брюс, Г. И. Головкин, А. Д. Меншиков, П. А. Толстой) продолжали руководить теми или иными центральными органами (Федор Апраксин, например, с мая 1719 г. являлся еще и ревельским генерал-губернатором [РГАДА, ф. 248, кн. 985, л. 570 об.]). И все же большинство высокопоставленных чиновников оказалось в описываемое время представлено в единственной должностной группе.

Например, 21 человек достиг при жизни Петра I постов губернатора и вице-губернатора, не перейдя затем ни в органы центрального управления, ни в Сенат. Резюмируя изложенное, следует констатировать, что в рядах высшей администрации России 1708—1724 гг. более года отработало 82 человека. Сколько же из этих питомцев эпохи реформ попало под карающий меч петровской уголовной юстиции?

Начнем вновь с Правительствующего сената. По имеющимся на сегодня у автора сведениям, из 23 сенаторов под судом и следствием в первой четверти XVIII в. побывало 13 человек (56,5 %). Эта впечатляющая цифра, правда, зримо убавится, если дополнительно подсчитать, сколько лиц привлекалось к уголовной ответственности по эпизодам, связанным с пребыванием именно в указанной должностной группе.

За преступные деяния, совершенные с использованием сенаторского положения, уголовному преследованию подверглось восемь человек (35 %). Двое сенаторов (В. А. Апухтин и Г. И. Волконский) были осуждены за причастность к упомянутой «подрядной афере», трое — на процессе П. П. Шафирова и Г. Г. Скорнякова-Писарева (сам Петр Шафиров, Д. М. Голицын и Г. Ф. Долгоруков). Кроме того, в криминальных целях использовали сенаторскую должность Ф. М. Апраксин, А. Д. Меншиков и М. М. Самарин.

Существенно иная картина складывается с руководящими кадрами центральных органов власти. Из 44 названных лиц под следствие и суд попало при жизни Петра 14 человек (32 %), причем за преступления, связанные с исполнением должностей в центральном управлении, — только восемь (18 %). Четверо администраторов данного звена — будущие сенаторы Ф. М. Апраксин, Я. В. Брюс, Г. И. Головкин и А. Д. Меншиков — оказались фигурантами все того же «подрядного дела». В преступлениях против интересов службы в 1717—1718 гг. обвиня-

лись начальник Морского комиссариата Г. П. Чернышев и начальник Военной канцелярии Я. Ф. Долгоруков, в 1723—1725 гг. — бывший вице-канцлер П. П. Шафиров и директор Канцелярии от строений У. А. Синявин. Остальные учтенные в подсчете руководители центральных органов преследовались за криминальные эпизоды, связанные либо с прошлой деятельностью, либо с исполнением параллельных служебных обязанностей.

По-другому сложилась в петровское время ситуация с руководителями органов контроля и надзора. Из восьми таких лиц под следствием и судом оказалось четверо (50 %), из них в связи с деятельностью в сфере контроля и надзора — двое (25 %): обер-прокурор Г. Г. Скорняков-Писарев и обер-фискал А. Я. Нестеров. Ревизион-коллегия в 1717—1720 гг. возглавлял Я. Ф. Долгоруков, находившийся в то время под следствием, а затем отданный под суд. Занимавший же в 1711—1715 гг. пост обер-фискала М. В. Желябужский был в 1723 г. изобличен в составлении подложного завещания⁵.

Что касается губернаторского корпуса, то из 32 установленных губернаторских администраторов первой четверти XVIII в. подсудимыми и подследственными оказалось 16 человек (50 %), причем все без изъятия — по обвинениям, выдвинутым в связи с исполнением соответствующей должности. Иными словами, уголовному преследованию в петровское время подвергся каждый второй российский губернатор. Тем не менее из 82 высших администраторов Петра I под следствие и суд попал 31 человек (38 %).

В чем же обвинялись в описываемое время сподвижники царя-реформатора? Подавляющему большинству «вышних командиров» инкриминировались тогда преступления, если следовать современной классификации, либо в сфере экономики (вымогательство, растрата, мошенничество), либо должностные преступления (злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, получение взятки, служебный подлог). К примеру, М. П. Гагарин был на суде признан виновным в восьми эпизодах преступной деятельности, включавших получение взяток, вымогательство, служебный подлог, растрату и злоупотребления должностными полномочиями [РГИА, ф. 1329, оп. 1, д. 17, л. 95—96 об.]. За воинские преступления из числа сановников в 1713 г. был осужден лишь будущий вице-президент Адмиралтейской коллегии К. И. Крюйс.

Какие же государственные органы осуществляли в первой четверти XVIII в. уголовное преследование «птенцов гнезда Петрова»? Прежде всего, стоит отметить, что подавляющая часть дел против высокопоставленных чиновников того времени была инициирована фискальской службой. Созданная в нашей стране в 1711 г. и сравнительно подробно на сегодняшний день изученная, названная служба добилась в первое пятилетие существования значительных успехов [см. об этом: Шестаков, 1992; Платонова, 2000; Серов, 2005а].

⁵ Кроме того, с 1703 г. против М. В. Желябужского велось дело по обвинению в истязании чужого крепостного [РГАДА, ф. 282, оп. 1, д. 2335, л. 14—68].

Именно фискалы вскрыли эпизоды преступной деятельности губернаторов М. П. Гагарина и П. А. Голицына, главы Мундирной канцелярии М. А. Головина и начальника Морского комиссариата Г. П. Чернышева, сенаторов Ф. М. Апраксина и М. М. Самарина и многих-многих других сановников. Да и не раз уже помянутая масштабная «подрядная афера» была раскрыта, и в первую очередь благодаря усилиям московского провинциал-фискала А. Я. Нестерова [РГАДА, ф. 9, оп. 1, д. 58, л. 76 об.], заслуженно назначенного затем на пост обер-фискала. Как представляется, в 1715 г. Петр I имел полное основание констатировать, что фискалы «непрестанно доносят не только на подлых, но и на самые знатные лица, без всякой боязни...» [Законодательные акты Петра I, 1945, 364].

Что касается только-только зародившегося в то время в России предварительного следствия, то по делам о преступлениях высших должностных лиц оно производилось «майорскими» следственными канцеляриями, следственной канцелярией генерал-прокуратуры, Розыскной конторой Вышнего суда, а также комиссией В. В. Дельдена. По сведениям автора статьи, из 31 сановника, подвергшегося в петровское время уголовному преследованию, через процедуры предварительного расследования прошло 24 человека (77 %, или 30 % общего числа высокопоставленных должностных лиц). В остальных случаях при рассмотрении дел по обвинениям высших администраторов предварительное и судебное следствия в соответствии с многовековой традицией организационно не разграничивались и всецело осуществлялись судебным органом.

Особенно активно функционировавшие в 1715—1722 гг., в последнее время обстоятельно рассмотренные в литературе «майорские» канцелярии создавались Петром I специально для расследования инициированных фискальской службой резонансных (опять же по современной терминологии) уголовных дел — преимущественно как раз по обвинениям высокопоставленных должностных лиц [см. об этом: Бабич, 2000; Серов, 2001; Бабич, 2003, 36—38]. Например, следствие по многократно упомянутому «подрядному делу» царь в 1714 г. поручил канцелярии под руководством гвардии подполковника В. В. Долгорукова. А основанная в декабре 1717 г. следственная канцелярия ведения гвардии майора С. А. Салтыкова получила дела сенатора П. М. Апраксина и азовского вице-губернатора С. А. Колычева [см.: РГАДА, ф. 248, кн. 51, л. 30—31].

Случалось, петровские сподвижники попадали — последовательно или параллельно — под следствие нескольких «майорских» канцелярий. Скажем, архангелогородский вице-губернатор А. А. Курбатов оказался подследственным сначала канцелярии М. И. Волконского, затем канцелярий Г. И. Кошелева и Ф. Д. Воронова, затем Г. Д. Юсупова и, в итоге, М. А. Матюшкина. «Полудержавный властелин» А. Д. Меншиков пребывал под следствием канцелярии В. В. Долгорукова, Г. И. Кошелева и Ф. Д. Воронова, М. Я. Волкова, П. М. Голицына и, наконец, Г. А. Урусова. Многообразные злоупотребления Я. Ф. Долгорукова одновременно разбирали канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова и А. Я. Щукина.

Итак, по подсчетам автора, «майорским» канцеляриям довелось заниматься распутыванием криминальных деяний 21 сановника. Значительно скромнее в дан-

ном направлении действовали недолго просуществовавшие следственная канцелярия генерал-прокуратуры и ставшая ее преемницей Розыскная контора Вышне-го суда. Не особенно известные современникам и надолго забытые потомками названные канцелярия и контора провели расследование дел двоих «вышних командиров» — М. В. Желябужского и А. Я. Нестерова [см.: Серов, 2002б, 116—117, 124—135, 243—244; Бабич, 2003, 324—325; Серов, 2004]. Наконец, комиссия во главе с ревельским обер-комендантом В. В. Дельденом была образована в 1723 г. для разбирательства единственного дела — дела вице-губернатора Ф. Левена [см.: Бабич, 2003, 341].

Стоит коснуться и некоторых процессуальных аспектов предварительного следствия по делам высших администраторов Петра I. Вначале несколько слов о сроках расследований. Не будучи в описываемое время нормативно регламентированными, такие сроки на практике складывались различно (хотя чаще отличались все же длительностью). Так, вице-губернатор А. А. Курбатов находился под следствием указанных выше «майорских» канцелярий восемь лет, а начальник Морского комиссариата Г. П. Чернышев — под следствием канцелярии М. Я. Волкова менее года.

Теперь относительно мер пресечения. Насколько можно судить, в период следствия большинство высокопоставленных фигурантов уголовных дел оставалось на свободе. Под стражей до суда несомненно содержались М. П. Гагарин, С. А. Колычев, А. Я. Нестеров, а также, вероятно, В. А. Апухтин, Г. И. Волконский, М. В. Желябужский и Я. Н. Римский-Корсаков. А. А. Курбатов с марта 1720 г. находился под подпиской о невыезде.

Нельзя не отметить, что сановные подследственные отнюдь не освобождались от пыток. Правда, подобное следственное действие (необходимость которого всегда подробно обосновывалась) могло производиться в отношении должностных лиц от вице-губернатора и выше только с санкции верховной власти [«Розыскать накрепко...», 2000, 202]. К настоящему времени установлено, что физическое воздействие применялось в ходе предварительного расследования по отношению к Г. И. Волконскому, М. П. Гагарину, А. Я. Нестерову и Я. Н. Римскому-Корсакову [РГАДА, ф. 248, кн. 273, л. 428, 633, 635; ф. 1451, д. 16, л. 69; Походный журнал 1714 г., 1854, 144, 148]. В частности, Алексея Нестерова пытали (с неизменным личным участием Петра I) трижды: 30 января 1723 г., 16 и 18 января 1724 г. (причем в последний раз с особой жестокостью, с использованием дыбы, кнута и огня).

Остается добавить, что упомянутое организационное совмещение предварительного и судебного следствия имело место при рассмотрении дел П. П. Шафирова и Г. Г. Скорнякова-Писарева, В. С. Ершова, А. П. Салтыкова, У. А. Синявина. В производство каких же судебных инстанций поступали в первой четверти XVIII в. дела по обвинениям сподвижников царя-реформатора?

Более всего «птенцов гнезда Петрова» предстало в описываемое время перед Вышним судом. Этот судебный орган, не так давно возвращенный из историографического небытия, с самого начала учреждался Петром I для рассмотрения особо важных уголовных дел [см.: Бабич, 1999б; Серов, 2000]. Именно Вышний суд

вынес приговоры сенаторам Д. М. Голицыну, Г. Ф. Долгорукову и П. П. Шафирову, обер-прокурору Г. Г. Скорнякову-Писареву, обер-фискалу А. Я. Нестерову и его предшественнику М. В. Желябужскому. Кроме того, в данном суде разбирались дела по обвинениям А. Д. Меншикова (по эпизоду с почепским межеванием), директора Канцелярии от строений У. А. Синявина, бывшего московского вице-губернатора В. С. Ершова, еще одно дело П. П. Шафирова (по эпизоду с хищением валютных средств).

А вот под суд Правительствующего сената в первой четверти XVIII в. попало всего трое высокопоставленных администраторов: М. П. Гагарин, С. А. Колычев да В. С. Ершов (дело которого было передано в Сенат из Вышнего суда по именному указу от 15 января 1724 г. [РГИА, ф. 1329, оп. 1, д. 28, л. 51]). Уголовные дела еще троих сановников — Я. Ф. Долгорукова, К. И. Крюйса и Г. П. Чернышева — рассматривались военно-судебными присутствиями.

Известен, наконец, единственный случай, когда представитель высшей бюрократии оказался в петровское время под судом ведавшей сборами налогов Камер-коллегии. Речь идет об обвиненном фискальской службой во взяточничестве казанском губернаторе А. П. Салтыкове, дело которого Сенат распоряжением от 7 сентября 1724 г. направил отчего-то в налоговое ведомство [РГАДА, ф. 248, кн. 1931, л. 36]. Необходимо признаться, что для автора статьи так и остался непроясненным вопрос о судебной инстанции, вынесшей в 1715 г. приговор обвиняемым по «подрядному делу». С долей неуверенности можно лишь предположить, что в роли таковой инстанции выступил самолично Петр I.

Каковы же были итоги деятельности органов уголовной юстиции России первой четверти XVIII в. в отношении высших должностных лиц? Прежде всего, необходимо отметить, что отнюдь не все дела «вышних командиров», по которым осуществлялось предварительное следствие, дошли до судебного разбирательства. Согласно данным автора, из 31 сановника, подвергшегося при Петре I уголовному преследованию, под судом оказался 21 человек (68 %, или 26 % общей численности высокопоставленных госслужащих того времени).

Например, не состоялось судебное рассмотрение грандиозного «счетного дела» А. Д. Меншикова, дел вице-губернаторов В. И. Гагарина и А. А. Курбатова, губернаторов П. П. Голицына и К. А. Нарышкина, главы Мундирной канцелярии М. А. Головина, сенатора М. М. Самарина. Произошло это по разным причинам. Двое сановных фигурантов — П. А. Голицын и А. А. Курбатов — скончались в период расследования⁶. Дела еще двоих лиц — киевского губернатора Д. М. Голицына и ревельского вице-губернатора Ф. Левена — были прекращены на стадии предварительного следствия из-за недоказанности обвинений (6 % подвергшихся уголовному преследованию).

⁶ Показательно, что, узнав о произошедшей 29 июля 1721 г. смерти А. А. Курбатова, глава следственной канцелярии М. А. Матюшкин запретил его погребать, запросив на этот счет особое разрешение Петра I [РГАДА, ф. 9, оп. 2, д. 56, л. 229].

В остальных случаях, думается, сыграла роль волокита (целенаправленная или стихийная — другой вопрос). Уголовные дела по обвинениям власти шести администраторов затянули до самого упразднения «майорских» канцелярий и реабилитационных указов Екатерины I. Впрочем, и поступившие в судебные инстанции дела «вышних командиров» далеко не всегда завершались вынесением приговора.

Скажем, расследованное канцелярией С. А. Салтыкова и переданное в Сенат в мае 1722 г. дело С. А. Колычева сенаторы заволокитили до самой кончины Петра I. Похожая ситуация имела место и с судебным разбирательством упомянутого эпизода о хищении П. П. Шафировым валютных средств в период пребывания во Франции. Несмотря на то, что по данному эпизоду Петр Шафиров еще 14 февраля 1723 г. принес повинную [см.: РГАДА, ф. 248, кн. 300, л. 278; Иванов, 1859, 50], это абсолютно ясное дело пролежало без движения в производстве Вышнего суда до марта 1726 г., когда в связи с ликвидацией суда его переслали в Сенат [Там же, кн. 686, 215], где и «схоронили» окончательно. Сходным образом при жизни Петра I не было завершено судебное рассмотрение уголовных дел В. С. Ершова, А. Д. Меншикова (по отмеченному эпизоду с почепским межеванием), А. П. Салтыкова, У. А. Синявина.

В итоге, насколько стало известно автору, из того самого 31 сановника, подвергнутого в петровское время уголовному преследованию, было осуждено 16 человек (52 %, или 20 % общего числа тогдашних высших администраторов). Более всего «господ вышних командиров» превратилось из обвиняемых в осужденных в результате судебного рассмотрения «подрядного дела» (шесть человек), а также дела П. П. Шафинова и Г. Г. Скорнякова-Писарева (четыре человека).

Сроки судебных разбирательств складывались тогда (как и сейчас) по-разному. В тех случаях, когда по делу осуществлялось предварительное расследование, судебное следствие занимало чаще всего один-два дня. Судебные заседания происходили тогда без участия подсудимых, судьи ограничивались заслушиванием краткого изложения материалов дела, подготовленного органом предварительного следствия. Именно в таком режиме прошло судебное рассмотрение дел М. П. Гагарина, М. В. Желябужского, А. Я. Нестерова и, вероятно, «подрядного дела». К примеру, суд над Матвеем Гагариным свелся к тому, что 13 марта 1721 г. сенаторы заслушали представленные следственной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамоннова «выписки» по девяти эпизодам преступной деятельности подсудимого, а уже 14 марта вынесли приговор [см.: РГПА, ф. 1329, оп. 1, д. 17, л. 3, 86—86 об.]⁷.

⁷ Скоротечность процесса над М. П. Гагариным труднообъяснима. В упоминавшемся выше известном указе Петра I от 11 марта 1721 г. о предании бывшего сибирского губернатора суду Правительствующего сената ни словом не говорилось о сроках рассмотрения дела. В данном указе сенаторам предписывалось лишь обратить особое внимание на установленные в ходе следствия факты нарушения Матвеем Гагариным «указов за лихоимство» [см.: РГАДА, ф. 1451, д. 13, л. 52].

В соответствии с тогдашней судебной практикой, правовой основой для вынесения приговоров петровским «вышним командирам» служили в первую очередь нормативные акты первой четверти XVIII в., а также Уложение 1649 г. Так, вина Г. Г. Скорнякова-Писарева была квалифицирована судом по ст. 11 закона «Должность генерал-прокурора» от 27 апреля 1722 г. и по ст. 28 Артикула воинского 1715 г. [см.: РГИА, ф. 248, д. 300, л. 309; Иванов, 1859, 51—52]. А вот М. В. Желябужский был осужден на основании ст. 25 (гл. 10) Уложения 1649 г. [Там же, оп. 273, л. 718 об.].

К каким мерам наказания приговаривались в первой четверти XVIII в. преступившие закон «птенцы гнезда Петрова»? Чаще всего к ним применялись уголовно-правовые санкции имущественного характера: штрафы и различные виды конфискаций. Из 31 подвергшегося уголовному преследованию сановника наказания подобного рода понесло 14 человек (45 %). При этом самая жесткая разновидность данной меры наказания — полная конфискация имущества — была назначена судом пятерым опальным администраторам.

Реже в судебной практике петровского времени применялась такая чувствительная для госслужащих мера, как лишение чинов. Подобное наказание понесли по меньшей мере пятеро сподвижников царя-реформатора. П. П. Шафиров в 1723 г., помимо чина, был также лишен баронского титула и орденов.

Телесные наказания по приговору суда вынесены были четверым выходцам из рядов тогдашней «номенклатуры». Осужденные по «подрядному делу» сенаторы В. А. Апухтин и Г. И. Волконский подверглись 6 апреля 1715 г. прижиганию языков (за нарушение присяги на верность государственной службе)⁸. Еще один фигурант «подрядного дела» бывший санкт-петербургский вице-губернатор Я. Н. Римский-Корсаков был тогда же бит кнутом⁹. [Походный журнал, 1855, 13]. Аналогичному наказанию кнутом подвергся 24 января 1724 г. и бывший обер-фискал М. В. Желябужский [РГАДА, ф. 248, кн. 273, 720].

К лишению свободы — в доминировавшей в те времена форме ссылки — было приговорено также четверо сподвижников Петра I: М. В. Желябужский, К. И. Крюйс, Я. Н. Римский-Корсаков и П. П. Шафиров. При этом реальную ссылку довелось отбывать, по-видимому, только Корнелию Крюйсу да Петру Шафирову (и то не в Якутске, куда он был направлен судом, а в менее суровом кли-

⁸ Имеется в виду приносившееся сенаторами и главами губернских администраций специальное «обещание», утвержденное царем 2 марта 1711 г. В тот день эту присягу в Успенском соборе Кремля принесли сенаторы (включая В. А. Апухтина и Г. И. Волконского) и трое губернаторов и вице-губернаторов [Письма и бумаги..., 1962, 98—99]. Василию Апухтину и Григорию Волконскому было впоследствии, судя по всему, инкриминировано нарушение п. 2 присяги — обязательства хранить «правду... в деле государственном».

⁹ Я. Н. Римский-Корсаков сохранил в целости язык несомненно благодаря тому обстоятельству, что в марте 1711 г. он состоял ингерманландским ландрихтером, а в дальнейшем привести к указанной присяге его попросту забыли [Доклады и приговоры..., 1892, 220—221].

матически месте — Новгороде)¹⁰. Осужденный в 1715 г. к пожизненной ссылке в Сибирь Яков Римский-Корсаков также не покинул, похоже, европейских краев. Наконец, приговоренный к 5-летней ссылке на каторгу в Рогервик Михаил Желябужский скончался 15 февраля 1724 г. от последствий телесного наказания [РГАДА, ф. 248, кн. 273, 730].

Что же касается смертной казни, то ее судебные органы первоначально назначили шестерым «птенцам гнезда Петрова» — В. А. Апухтину, Г. И. Волконскому, М. П. Гагарину, А. Я. Нестерову и П. П. Шафирову. Неизменно утверждавший вынесенные высшим должностным лицам приговоры Петр I смягчил меру наказания четверым из названных осужденных. Таким образом, из 31 подвергнувшегося уголовному преследованию сановника были казнены два человека (6 %, или 2 % общей численности высшей бюрократии первой четверти XVIII в.).

Осужденный Сенатом Матвей Гагарин был повешен на Троицкой площади Санкт-Петербурга 16 марта 1721 г., осужденный Вышним судом Алексей Нестеров — колесован там же 24 января 1724 г. Для остальных приговоренных (кроме Корнелия Крюйса) процедура казни имитировалась: людей выводили на эшафот, клали на плаху и лишь после этого зачитывали указ о помиловании¹¹. Таковы были итоги деятельности органов уголовной юстиции петровской России в отношении высших администраторов.

Что имеет смысл добавить к сказанному? Нет сомнений, что Петр I стремился всеми средствами выжечь разъедавшие отечественное чиновничество язвы взяточничества (очень часто сопрягавшегося в те времена с вымогательством), казнокрадства, злоупотребления должностными полномочиями. По воле первого российского императора были созданы невиданные прежде органы надзора — фискальская служба и прокуратура, невиданные специализированные органы суда и предварительного следствия. Были изданы и специально защищавшие интересы государственной службы невиданные по строгости уголовно-правовые акты.

Аллегорически выражаясь, преступившего закон администратора в первой четверти XVIII в. обложили красными флажками и с нормативной, и с организационной стороны. Да и сама цифра подвергнувшихся уголовному преследованию чиновников (стоит повторить: 31 человек, 38 % общей численности тогдашней высшей бюрократии) однозначно свидетельствует о наличии у Петра I политической воли к пресечению криминальным тенденций в госаппарате.

Не менее показательна, впрочем, и другая цифра — 16 осужденных, всего лишь 52 % подвергнувшихся уголовному преследованию «господ вышних командиров» (при 6 % доказавших невинность на предварительном следствии). А это уже свиде-

¹⁰ Место ссылки П. П. Шафирова было изменено согласно распоряжению Петра I от 26 февраля 1723 г. [РГАДА, ф. 248, кн. 300, 274]. Данное распоряжение объяснялось стремлением императора продолжить разбирательство криминальных деяний бывшего сенатора.

¹¹ По свидетельству фотографически точного Ф. В. Берхгольца, Петру Шафирову после снятия с плахи потребовалась медицинская помощь [Берхгольц, 1903, 21].

тельство неустойчивости, переменчивости той самой политической воли. Нельзя не констатировать и того факта, что далеко не в полной мере оказался реализован потенциал фискальской службы, грозных «майорских» канцелярий.

Отмеченная неустойчивость высочайшей воли проявлялась местами удивительно ярко. Так, наряду с хрестоматийно известным попустительством А. Д. Меншикову, Петр I длительно не предпринимал никаких действий в отношении такого глубоко одиозного правительственного деятеля, как Я. Ф. Долгоруков. По данным фискальской службы, Яков Долгоруков покровительствовал ряду криминализированных предпринимателей и госслужащих, приложил руку к расхищению выморочного имущества боярина А. С. Шеина, многократно получал взятки [см.: РГАДА, ф. 248, кн. 51, л. 49—49 об.].

Предел царскому терпению наступил, казалось, в 1718 г., когда следственная канцелярия И. И. Дмитриева-Мамонова изобличила Якова Федоровича в крупномасштабных финансовых махинациях по «китайскому торгу». По распоряжению Петра I дело сенатора и генерал-пленипотенциара Я. Ф. Долгорукова было передано на рассмотрение особого военно-судебного присутствия — Генерального суда. Но, согласно упомянутой в начале статьи Выписки по делу Якова Долгорукова, Петр I остановил затем судебный процесс [Там же, ф. 11, д. 371, л. 8 об.]. В итоге не пострадавший даже карьерно Яков Федорович отошел во благости в мир иной 20 июня 1720 г. и был погребен с наивозможными почестями в присутствии царя в Александро-Невском монастыре [Там же, ф. 198, д. 557, л. 45].

А пособник Я. Ф. Долгорукова в махинациях по «китайскому торгу» Матвей Гагарин¹² обрел иное место упокоения — на другом берегу Невы, прямо на эшафоте. Как известно, тело М. П. Гагарина Петр I предписал — для острастки лихоимцев — не снимать с виселицы (25 ноября 1721 г. император дополнительно указал перевесить труп казненного на особо изготовленную цепь [Там же, ф. 1451, д. 16, л. 97; Письма, указы..., 1873, 433]). Вот только после обрисованных зигзагов высочайшего правосудия вряд ли кто-то из столичных чиновников устрасался при виде качавшегося на ветру тела Матвея Петровича...

Помимо освобождения от всякой ответственности Я. Ф. Долгорукова, Петр I, случалось, смягчал вынесенные сановникам и им же самим утвержденные приговоры. К примеру, осужденные 15 февраля 1723 г. за соучастие в служебном подлоге и иные «неисправления должности» к лишению чинов, штрафа и домашнему аресту сенаторы Д. М. Голицын и Г. Ф. Долгоруков были уже 19 февраля выпущены из-под ареста и восстановлены в чинах и должностях [Там же, ф. 248, кн. 300, л. 331—332 об.; 1922, л. 77 об.].

Кого не успел простить Петр I, миловала Екатерина I. Скажем, следствие по «счетному делу» А. Д. Меншикова, начет по которому превысил 1,5 миллиона рублей [Павленко, 1984, 99] (около 1/5 тогдашнего госбюджета), было прекраще-

¹² Эпизод о пособничестве Я. Ф. Долгорукову вошел в приговор М. П. Гагарину отдельным (шестым) пунктом.

но по именному указу от 8 декабря 1725 г. [РГИА, ф. 1929, оп. 1, д. 29, 138]. Образованный Александр Данилович повелел размножить долгожданный указ типографски и «разослать в коллегии и канцелярии и во все города» [Повседневные записки..., 2000, 388].

Завершить статью хотелось бы, однако, на иной ноте. На основании вышеизложенного автору затруднительно согласиться с мнением весьма уважаемого им ученого о том, что «буквально все “новопризванные” Петром люди были мошенниками и подлецами безотносительно к любому времени» [Омельченко, 1991, 228]. В самом деле, ведь 51 са новик (62 % высших администраторов России первой четверти XVIII в.) — несмотря на бесперебойную работу вездесущей фискальской службы — никак не соприкоснулся с органами уголовной юстиции.

Выходит, большинство лиц в коридорах власти служило все-таки честно. Даже подозрениями в причастности к криминальным делам не запятнали своей репутации в те годы ни генерал-прокурор П. И. Ягужинский, ни глава Канцелярии от строений, а затем сибирский губернатор А. М. Черкасский, ни президент Вотчинной коллегии М. А. Сухотин, ни сенатор В. Л. Долгоруков, ни многие другие «вышние командиры».

И уж совсем напоследок хочется вспомнить линию одной судьбы. Находясь под впечатлением от разоблачения «подрядной аферы», Петр I решил поставить сферу подрядных операций (в которой вращались тогда внушительные капиталы) под государственный контроль. Для этой цели 15 марта 1715 г. была образована особая Подрядная канцелярия, во главе которой царь поставил фронтовика, бывшего командира 3-й роты Преображенского полка капитана Герасима Ивановича Кошелева [РГВИА, ф. 2583, оп. 1, д. 41, л. 161; ПСЗ, 1830, 149].

Когда же Подрядная канцелярия вошла в 1718 г. в структуру новоучрежденной Камер-коллегии, Герасим Кошелев также перешел в налоговое ведомство. В коллегии Герасим Иванович занял поначалу должность советника, а 18 января 1722 г. стал ее президентом. На президентском посту Г. И. Кошелев и встретил 5 августа 1722 г. свою кончину. Что же оставил после себя видный петровский администратор, много лет пробывший в прямом соприкосновении с финансовыми потоками?

Вот что по этому поводу в далеком августе 1722 г. написала в челобитной вдова Герасима Кошелева Анна Тимофеевна: «А у твоих императорского величества дел он, муж мой, был безкорыстен, толко служил Вашему величеству с одного жалованья... А по смерти, государь, ево денег осталось два рубли семь алтын. И мне, рабе Вашей, тело мужа моего погребсти было нечем» [РГАДА, ф. 248, кн. 57, 240]. Главу налоговой службы империи схоронили в конце концов на средства генерал-прокурора П. И. Ягужинского да генерал-майора А. И. Ушакова. «А по смерти ево денег осталось два рубли семь алтын...» — это тоже грань той эпохи.

Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997.

Бабиц М. В. Государственные учреждения России XVIII в.: Справочное пособие. Вып. 1. М., 1999а.

Бабиц М. В. Вышний суд как высшее учреждение Петровской эпохи // Петр Великий и его время: Материалы всерос. науч. конф. СПб., 1999б.

Бабиц М. В. Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М., 2003.

Бабиц М. В. Из истории государственных учреждений XVIII в.: «майорские» канцелярии // Отечественные архивы. 2000. № 1.

Берхгольц Ф. В. Дневник, веденный в России в царствование Петр Великого. Ч. 3. М., 1903.

Власть в Сибири XVI — начала XX в.: Межархивный справочник. Новосибирск, 2001.

Воронежские губернаторы и вице-губернаторы, 1710—1917: Историко-биографические очерки / Сост. А. Н. Акиншин. Воронеж, 2000.

Гоздаво-Голомбиевский А. А. История Разрядного архива (1711—1812) // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 5. М., 1888.

Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I: По материалам Преображенского приказа. М., 1957.

Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н. Ф. Дубровина. СПб., 1892. Т. 5. Кн. 1.

Законодательные акты Петра I / Сост. Н. А. Воскресенский. Т. 1. М.; Л., 1945.

Ефимов С. В. Политический процесс по делу царевича Алексея: Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 1997.

Иванов П. И. Судное дело над действительным тайным советником бароном Шафировым и обер-прокурором Скорняковым-Писаревым // Журн. Министерства юстиции. 1859. Т. 1, кн. 3.

Корсакова В. Д. Список начальствующих лиц в городах теперешней Казанской губернии 1553—1908 гг. // Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1908. Т. 24, вып. 5 [Прил.].

Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725—1762 гг. Рязань, 2003.

Мурзанов Н. А. Список сенаторов, 22 февраля 1711 — 15 января 1911 // История Правительствующего сената за двести лет, 1711—1911. Т. 5. СПб., 1911.

Огородников В. И. Из истории вопроса о центральных учреждениях в России при Петре Великом (приказы, канцелярии, коллегии) // Уч. зап. Казан. ун-та. 1917. Т. 84, кн. 3—4.

Омельченко О. А. [Рецензия] // Вопр. истории. 1991. № 12. Рец. на кн.: *Павленко Н. И.* Петр Великий. М., 1990.

Павленко Н. И. Александр Данилович Меншиков. М., 1984.

Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1994.

Петровский С. А. О Сенате в царствование Петра Великого: Историко-юридическое исследование. М., 1875.

Письма, указы и заметки Петра I / Под ред. А. Ф. Бычкова // Сб. РИО. СПб., 1873. Т. 11.

Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 11, вып. 1. М., 1962.

Платонова Н. В. Государственный контроль (фискалитет) в России и русское общество в первой четверти XVIII века: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2000.

Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова, 1716—1720, 1726—1727 гг. / Публ. С. Р. Долговой и Т. А. Лаптевой // Рос. архив. Т. 10. М., 2000.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. 5. СПб., 1830.

Походный журнал 1714 года. СПб., 1854.

Походный журнал 1715 года. СПб., 1855.

Реформы Петра I: Сб. документов / Сост. В. И. Лебедев. М., 1937.

«Розыскать накрепко, правдою, без всяких приказных крючков»: Указы Петра I, Екатерины I и Сената в области судостроительства и уголовной политики, 1716—1726 гг. / Публ. Д. О. Серова // Ист. архив. 2000. № 6.

- Серов Д. О. Администрация Петра I: Биогр. словарь. Очерки. Документы. М., 2005б (в печати).
- Серов Д. О. Воронежские администраторы в криминальной истории России первой четверти XVIII в. // Из истории воронежского края: Сб. ст. Воронеж, 2002а. Вып. 10.
- Серов Д. О. Гвардейцы-криминалисты Петра I: из истории организации и деятельности «майорских» следственных канцелярий (1713—1723) // Ораниенбаумские чтения: Сб. науч. ст. и публ. Вып. 1. СПб., 2001.
- Серов Д. О. Забытое учреждение Петра I: Вышний суд (1723—1726 гг.) // Российское самодержавие и бюрократия: Сб. ст. в честь Н. Ф. Демидовой. М., 2000.
- Серов Д. О. Прокуратура и предварительное следствие // Законность. 2004. № 12.
- Серов Д. О. Прокуратура Петра I (1722—1725): Историко-правовой очерк. Новосибирск, 2002б.
- Серов Д. О. Строители империи: Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996.
- Серов Д. О. Фискальская служба России: зигзаги исторического пути (1711—1729 гг.) // Вести. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Право. 2005а. Т. 1, вып. 1.
- Серов Д. О. Холоп во власти: круги судьбы прибыльщика Алексея Курбатова // Социокультурные исследования 1997: Сб. ст. Новосибирск, 1997.
- Соколов А. П. Суд над вице-адмиралом Крюсом 1713 года (эпизод из истории русского флота) // Морской сборник. 1849. № 1.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 9. М., 1993.
- Филиппов А. Н. Правительствующий сенат в царствование Петра Великого // История Правительствующего сената за двести лет, 1711—1911. Т. 1. СПб., 1911.
- Шестаков С. Е. Формирование института гражданских фискалов России в первой трети XVIII в. // Реформы в России XVI—XIX вв.: Сб. науч. тр. М., 1992.
- Bushkovitch P. Peter the Great: The Struggle for Power, 1671—1725. Cambridge, 2001.
- Cracraft J. Opposition to Peter the Great // Imperial Russia, 1700—1917: State. Society. Opposition. Illinois, 1988.

Д. А. Редин

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ СТАТУС ЗАУРАЛЬСКИХ ДИСТРИКТОВ КОНЦА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

(Предварительные наблюдения)

Настоящая статья является прямым продолжением темы, поднятой мною на страницах пятого выпуска сборника «Проблемы истории России» в 2003 г. [см.: Редин, 2003, 272—289]. И тогда, и сейчас объектом авторского внимания явилась судьба дистрикта — низшей административно-территориальной единицы, возникшей в России в ходе второй областной реформы Петра Великого (1719—1725). Но если в первой статье, помимо общих соображений, был представлен предварительный анализ дистриктного звена управления на Среднем Урале, в основном в горно-заводской зоне (зоне т. н. Екатеринбургского ведомства), то нынешние наблюдения будут касаться дистриктов Южного Зауралья.